

18+

Автор идеи, составитель

Алексей Болотников

ТЕСИНСКАЯ ПАСТОРАЛЬ

№3

Алексей Болотников
Тесинская пастораль. №3

«Издательские решения»

Болотников А.

Тесинская пастораль. №3 / А. Болотников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516891-7

С идеей сбережения самобытного и национального в своей культуре, с любовью и нежностью к Отечеству, с гордостью за принадлежность к великой русской литературе издается сельский альманах.

ISBN 978-5-00-516891-7

© Болотников А.
© Издательские решения

Содержание

Сельский альманах на 2007 год	7
От составителя	8
Наиболее важные события 2007 года	9
Проза моего села	14
Антон Филатов. БОМЖ, или хроника падения Шкалика Шкарatina	15
Глава II. Легенда вторая. Вся чудовищность образования (продолжение)	16
Глава XV. СОБРАНИЕ «СОТЕЧЕСТВЕННИКОВ»	21
Глава XIX. Правление	26
Константин Болотников. Заметки односельчанина. ЧАСТЬ 1	32
Первый раз в море	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Тесинская пастораль №3

Алексей Болотников *Составитель*

ISBN 978-5-0051-6891-7 (т. 3)

ISBN 978-5-0051-3918-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Сельский альманах на 2007 год

*Журчи, мой родничок, родная речь.
Не иссякай, тесинская строка.
Я должен тебя холить и беречь,
Пока я есть и чувствую пока.*

А. Болотников

Выходные данные к первому изданию:

ББК 84 (2 Рос.-Хак.) 5

Б 32

Авторы благодарят за помощь в издании альманаха:

Головину Галину Евгеньевну

Егорову Анастасию Владимировну

Семёнова Александра Николаевича

Прохорова Анатолия Ивановича

Шабалину Зинаиду Ивановну

Шульенко Любовь Алексеевну

Болотникова Александра Константиновича

Учредители:

Клуб патриотов села «Тесинская пастораль»

Редколлегия альманаха:

Алексей Болотников – главный редактор

Людмила Соборова – секретарь

Члены редколлегии:

Виталий Беспрозванный

Валентина Болотникова

Любовь Исакова

Николай Корепанов

Сергей Полищук

Алексей Болотников

Б 32 Сельский альманах на 2007 г. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина»,
2008 -100 стр. **Тесинская пастораль.**

Рукописи не возвращаются и не оплачиваются.

В оформлении обложки использованы работы В. Пузанова

© А. К. Болотников, составитель, 2008

Пасторальиж. Жанр в европейской литературе и искусстве XIV – XVIII вв., характеризующийся идиллическим изображением жизни пастухов и пастушек на лоне природы, а также произведение этого жанра . , - . (**pastorale – франц.**)

В древности никто не располагал временем так свободно, как пастухи. Они были первые мыслители и поэты, о чем свидетельствуют показания Библии и апокрифы других направлений. Вся языческая вера в переселение душ, музыка, песня и тонкая, как кружево, философия жизни на земле есть плод прозрачных пастушеских дум.

Сергей Есенин. «Ключи Марши»

От составителя

Дорогой наш читатель!

В третьем номере «Тесинской пасторали», по заведённой традиции, мы вновь обратились к темам тесинского краеведения, творчества и общественной публицистики. Разместили новый пакет фотографий, иллюстрирующих краеведческие тексты и запечатлевших милые сердцу достопримечательности и пейзажи любимого села. Уделили место и художественному творчеству самодельных авторов. Надеемся, вложенные нами чувства – сдержанные, порывистые или искренне-эмоциональные – не оставят тебя равнодушным и безучастным, и наша общая радость от выхода в свет этого номера альманаха объединит и подружит нас.

Среди авторов номера, наряду с уже известными тебе фамилиями, есть и новые имена. Как и раньше, мы предоставили страницы журнала авторам окрестных мест, тронувшим нас темой, чувством, актуальностью строк либо тем. И это наш общий выигрыш.

Нас искренне радует активность авторов, с энтузиазмом разрабатывающих золотые пески все новых и новых творческих направлений, будь то художественное слово, публицистическая новелла, краеведческая тема... И мы вновь и вновь обнаруживаем среди, казалось бы, заскорузлой пустыни безликих публикаций – оазисы нового стиля, взгляда, позиции наших авторов. Такие проявления позволяют нам с азартом углубляться в поиски новых месторождений слова, звука и света. И открывать их для тебя, наш благодарный читатель!

Редколлегия, готовя к выпуску очередной номер альманаха, отбирая среди тем будущего номера действительно актуальные, полнокровные и ожидаемые, опиралась на авторитетное мнение клуба «Тесинская пастораль». Ну а если у тебя есть свои темы – не менее актуальные и содержательные – то надеемся на твою горячую инициативу. Ведь впереди у нас перспектива длительного сотрудничества и содружества. А главное – невысказанная, неизмеренная и неистощимая любовь к своей малой родине, заставляющая засесть за записки, заметки...

Итак, в путь. И пусть тебе сладко дышится на свете.

Наиболее важные события 2007 года

2007 год – год учреждения первого в Теси общественного сайта. Сайт «Тесинка» по электронному адресу [инициирован, учреждён, создан и пополняется нашим односельчанином учителем Сергеем Валерьевичем Полищуком. Отныне, где бы вы не были, в любой день и час можете поинтересоваться сельскими новостями из родной деревни, полюбоваться фотопейзажами, вступить во взаимовыгодную переписку. \[tesinka@narod.ru\]\(mailto:tesinka@narod.ru\)](mailto:tesinka@narod.ru)

В марте на электронной базе МОУ «Тесинская СОШ №10» увидел свет и другой сайт: школьный. Его адрес: <http://tes10.minusa-edu.ru>

– глава сельсовета И. Г. Андарьянов подписал Постановление «О проведении работ по санитарной очистке, озеленению и благоустройству на территории сельсовета в весенне-летний период 2007г.», в котором утвердил план мероприятий, состав комиссии по контролю за ходом работ и подведению итогов, а также указал руководителям предприятий, организаций, учреждений всех форм собственности обозначенный период (10.04.2007 – 30.10.2007 гг.) провести работы по санитарной очистке, озеленению и благоустройству на закреплённых территориях. Администрации сельсовета постановлено организовать проведение указанных работ на территории сельсовета с участием всех учреждений, организаций, предприятий, с привлечением жителей сёл. К постановлению прилагается план мероприятий со сроками выполнения работ и лицами, ответственными за выполнение. **26 марта**

– в Доме культуры села состоялась презентация фотовыставки «Прикосновение к прошлому» музея им Н. М. Мартьянова по результатам археологических раскопок в окрестностях с. Тесь летом 2006 года. Выездной десант работников музея во главе с директором Елизаветой Михайловной Лясковской познакомил присутствовавших школьников и жителей села с экспонатами из курганов могильника эпохи поздней бронзы (три тысячелетия назад), среди которых предметы быта людей карасукской культуры, в том числе остатки керамики, украшений, оружия другие. Из рассказа археолога Ольги Витальевны Ковалёвой и её ответов на вопросы тесинцев, из представленных фотоэкспозиции и видеofilmа сельские жители воочию познакомились с образом давно ушедшей эпохи, ощутив реальность, драматичность и даже романтику так называемого «бронзового» века. А главное, открытие археологической экспедиции – находка т.н. «вождевого кургана», в котором обнаружено захоронение привилегированного человека той эпохи со всеми атрибутами почестей, что особенно впечатлило наших земляков. Десант музея уехал, оставив тесинцам на обозрение свою замечательную фотовыставку. Летом 2007 года археологи музея им. Н. М. Мартьянова планируют продолжение работ в Тесинском археологическом районе. **11 апреля и**

Хранитель Тесинской картинной галереи Любовь Исакова объявила литературный конкурс «Зимняя сказка Теси». На конкурс принимались произведения местных авторов в жанре прозы, поэзии, драматургии, а также школьные сочинения, зарисовки и другое. Работы можно было иллюстрировать фотографией и рисунками. **В январе**

в сельском музее состоялось подведение итогов конкурса. Более двадцати участников представили сюда свои сочинения. Известные в Теси сельские авторы Анна Сенникова, Любовь Страшникова, Александр Бараненко, Ольга Нестеренко, Василина Кожедубова (М-Иня), Лена Маничкина познакомили со своими новыми стихами. На удивление присутствующих, среди участников конкурса появилось много новых имен среди юного населения сел Тесь и Большая Иня, это Петров Ваня (7 класс) и Иванов Сергей (7 класс), Иванова Алена (3 класс) и Иванилова Саша (4 класс), Рыцак Женя (6 класс) и Сагитова Юля (11 класс) и другие. Появились новые имена и среди взрослых: Федор Борисов выступил с циклом стихов православной темы, Артемьева Алена и Болдакова Юлия – с любовной лирикой... А школьные

сочинения Кульпиной Алены (Большая Иня) и Фокиной Маши (Тесь) отличились искренней любовью к своей малой родине. **25 апреля**

Все авторы на конкурсе получили слово и признание зрителей-слушателей.

Учредители конкурса отметили всех участников призами, а организаторов (Любовь Исакову (музей), Любовь Иншакову (детдом), Антонину Маркелову и Татьяну Паникаеву (школа с. Большая Иня) – благодарностью

Многие сочинения, представленные на конкурс, опубликованы в сельском альманахе «Тесинская пастораль».

горел Могилошный бор(Большеинскаялесная дача). Порывистым ветром восточного направления, поднявшимся с ночи, пожар от неизвестного возгорания погубил значительную часть реликтового хвойного массива (от автодороги на Малую Иню, на околице села Тесь, до кольцевой развязки автодороги Тесь – Санаторий ОЛК). Попытки ликвидации возгорания и ограничения зоны огня механическими средствами и силами организованных жителей села успеха не принесли. Произошедшее можно определить как «местная экологическая катастрофа». Десятки лет стоял здоровый хвойный бор на радость и общественную пользу тесинцам. Но никакие слова не способны измерить чувство горечи и негодования за злодеяние, допущенное нашим общим попустительством, бессилием, равнодушием и инфантильностью. **3 мая**

– В этот же день ужасный лесной пожар преследовал и другие массивы реликтовых ленточных боров Минусинского района. Горели поселки ж. д. ст. Минусинск и прилегающих дач (более тысячи участков), Зеленый Бор. Имеются человеческие жертвы. Возгорание подобного масштаба и практически одновременно в разных местах, парализующее усилия пожарников, лесников и местных властей, не организовавших сопротивление, не могли быть стихийными. Средства массовой информации в своих выпусках разместили многочисленные публикации на эту драматическую тему.

футболисты тесинского спортивного клуба «Олимп» Виктор Белов, Роман Клюшев, Анатолий Рыбинский, Роман Сорокин в составе сборной команды Минусинского района участвовали в зональных отборочных соревнованиях по футболу, проходивших в г. Краснокаменске (Курагинский район). Из шести участвовавших сборных команд (Минусинский, Курагинский, Краснотуранский, Каратузский, Ермаковский, Шушенский) минусинская сборная (спорт. организатор Александр Азаров) довольствовалась лишь пятым местом и, соответственно, не попала в число участников финала спортивного биеннале «Олимпийская нива Красноярья» среди сел края, который будет проходить в Емельяново 6, 7, 8 июля. Первые три места в Краснокаменске завоевали сборные команды Курагино, Краснотуранска, Шушенского.

9 июня

спортсмены тесинского спортивного клуба «Олимп» Виктор Белов, Андрей Зотов и Александр Демьяненко участвовали в краевых зональных отборочных соревнованиях по городкам (в Емельяново). Традиционному турниру по городкам краевого масштаба уже более 20 лет, но тесинцы (как сельская команда) участвовали в подобном турнире впервые. Малый опыт подобных соревнований и небольшая по срокам подготовка не позволили «Олимпу» победить мастеров из шестнадцати сборных команд края. Но факт участия и первый опыт – залог будущих побед. Победа в этот раз досталась спортсменам из Новоселово (1-е место), Шушенского, Иланска, Ачинска и Богучан. **22—23 июня**

сборная команда спортклуба «Олимп» участвовали в спортивных состязаниях в Прихольмье, посвященных Дню молодежи. В волейбольном турнире «Олимп» выиграл вторые места (и мужская, и женская команды), в футболе мужчины стали победителями. **24 июня**

К сожалению, тесинцы не участвовали в других видах состязаний (например, в конных скачках или в забегах на одиночных дрожках, ставших украшением спортивного праздника), но и достигнутые успехи доставляют радость и гордость за наших спортсменов. Кстати сказать, в девятнадцатом веке конные бега были в обычае у тесинцев. Вот как об этом сообщает журнал

того времени от 12 мая 1896 г.: «В селе Тесинском Минусинского округа все так увлеклись беговым спортом, что даже те, которым непременно следовало бы противодействовать этому далеко не похвальному удовольствию, преусердно участвуют в бегах своими лошадьми. До полного безобразия не хватает только, чтобы лица эти сами садились верхом на своих бегунков. «Енисей» (см. «Минусинский край», 2006 г.).

старшеклассники МОУ «Тесинская СОШ» №10 собрались в родной альма-матер на выпускной бал. Их 27 человек. Семь мальчиков и двадцать девочек. Среди последних – четыре выпускницы окончили одиннадцатилетку с серебряной медалью (по одной четверке в аттестате). Их имена: Алена Артемьева, Кристина Бакланова, Мария Костенко, Лена Маничкина. **23 июня**

Несколькими днями раньше состоялись выпускные мероприятия и у девятиклассников Тесинской СОШ. Выпустились 45 человек (3 класса).

общественность села по инициативе Тесинского сельсовета учредила Уличный комитет по благоустройству, избрана комиссия (штаб) в составе девяти человек, а именно: Серова А. Н. (председатель), Филимонов Л. Л. (зам), Дмитриенко А. Н. (секретарь), Мачоха В. С., Болотников А. К., Азарова В. Ф., Ткачёва Н. Л., Самай О. П., Васильев А. В. (участковый). **В июне**

Уличный комитет руководствуется в своих действиях «Правилами содержания территории Тесинского сельсовета в соответствии с нормативами санитарно-противоэпидимических норм, пожарной безопасности и благоустройства» и Договорами содержания частных владений, принятых сельсоветом в июне 2007 г.

В пятницу, 29 июня, состоялось рабочее заседание Уличного комитета. Подведены первые итоги работы: а) договоры с владельцами частных подворий заключены более чем на 70%. Не подписывают «Договоры...» арендаторы домов, наиболее нерадивые и скандальные владельцы; б) обобщены основные проблемы села, а именно: несогласованность работ с/совета и Уличного комитета, застарелые места несанкционированных мусорных свалок, отсутствие финансовых и материальных возможностей ремонта заборов, палисадников...

Глава администрации сообщил о некоторых предпринятых мерах по благоустройству. На грейдирование основных улиц села (на два дня наняты 2 грейдера ДРСУ) потрачено более 17 тыс. рублей. Написаны 6 плакатов о запрещении свалок мусора в пределах околосел. С 10 июля на улицы села выйдет «Зеленый отряд» из воспитанников детдома. Их задача – ликвидация сорняков вокруг домов престарелых жителей и инвалидов.

Члены Уличного комитета сообщили о проблемных точках на курируемых ими улицах. Найдены некоторые решения по ликвидации таких точек.

Заседание закончилось с настроением продолжать начатое дело.

вышел в свет второй номер «Тесинской пасторали», сельского альманаха на 2006 год. Как и в первом номере, здесь поместили свои произведения тесинские авторы, хотя их круг увеличился за счет шошинских, мало- и большеинских, минусинских участников. В разделе «От издателя», в частности, сказано: «Дорогой односельчанин! У тебя в руках второй номер журнала «Тесинская пастораль» – сельский альманах на 2006 год. Здесь ты найдёшь строки по своему вкусу, будь то стихи, проза, краеведение, нравственная публицистика или историческая хроника. Мы не забыли включить в этот номер иллюстрации, рисунки местных художников, фотографии... Возможно, ты обнаружишь здесь знакомую фамилию, найдёшь среди череды тесинских лиц (их снимков прошлых лет или современных) родные черты, по-новому увидишь историю родного села, подчас трогательную до боли, пробуждающую внезапную гордость или сочувствие. **3-го июля**

Готовя к выпуску второй номер, редколлегия альманаха открыла новых авторов, темы публикаций, а главное, твою заинтересованность нашим изданием. Смеем надеяться: альманах – это наше общее дело. Он способен побудить в нас лучшие сокровенные чувства, име-

ющие созидательную нравственную силу. Альманах – не для равнодушных! Не для иванов, не помнящих родства. Но для истинных патриотов своей малой родины.

Мы намерены продолжать разыскания по утраченной для общественного внимания истории, сохранять во имя будущего хронику сегодняшнего дня и – тем самым – созидать нашу общую оптимистическую будущность. Присоединяйся!

Учреждён и действует клуб патриотов села «Тесинская пастораль», где твоему личному участию будут рады, как долгожданному гостю и старому другу. Тебе найдется место и дело. Ты способен – мы не сомневаемся! – реализовать свой накопившийся творческий потенциал. Не таи его подобно скупому рыцарю! Тем более, что ты уже приобрел свой входной билет – этот номер «Тесинской пасторали».

Ты не просто можешь, ты должен рассказать историю своего рода или собственной жизни. Поделиться мнением, высказать свою позицию... Иначе просто совесть загрызёт!

Ну, а пока просто погрузись в нижеследующие тексты. Не будем тебе мешать».

первенстве Минусинского района помини-футбола участвовали четыре сборных команды (Селиваниха, Малая и Большая Иня, Малая Минуса и Тесь). они сошлись на футбольном поле с. Селиваниха. За тесинскую команду (тренер Белов В. П.) играли Евгений Кульчицкий, Роман Сорокин, Юрий Курбаков, Виктор Бронетко, Александр Сокольчик, Владимир Кузнецов и присоединившийся позднее Роман Ключев. Победа досталась хозяевам поля. А второе место – тесинским спортсменам. Они выиграли матчи у команды Малой Минусы со счетом 2:1 и Большой Нички 1:0. Голы забили Р. Сорокин (2) и Ю. Курбаков (1). **В осеннем**

Воскресным днем 7-го октября

состоялось первенство Минусинского района по мини-футболу среди школьников (мальчики). Шесть команд состязались на футбольном поле с. Селиваниха: (Малая Минуса, Селиваниха, Тесь, Большая Ничка, Ново-Троицкое, Прихолмье). Тесинской команде достался главный приз – футбольный мяч. Лучшим игроком признан Владимир Кузнецов. **9-го октября**

состоялось первенство Минусинского района по волейболу среди мужчин. На площадке сошлись в поединках восемь команд. За Тесь играли Алексей Ульянов (Гордт), Владимир Кузнецов, Стас Ефимов, Сергей Белов, Андрей Зотов, Алексей Мозалевский, Саша Роткин; тренер команды Виктор Белов. К сожалению, тесинцам досталось только шестое место. А первое, второе, третье места достались, соответственно, Большой Ничке, Знаменке и Малой Минусе.

20 октября

состоялось первенство Минусинского района по волейболу среди женских команд. По круговой системе на волейбольную площадку выходили сборные пяти сельских команд (Малая Минуса, Тесь, Знаменка, Селиваниха, Прихолмье) и команда Финансово-экономического управления администрации Минусинского района. Первое место завоевала сборная команда села Малая Минуса. Второе – сборная тесинского спортклуба «Олимп» (тренер Виктор Белов). Последующие места распределились так: третье – Знаменка, четвертое – Селиваниха, пятое – Прихолмье. Команде ФЭУ, участвовавшей в подобном первенстве впервые, пришлось довольствоваться лишь последним местом. Впрочем, и участие в районном турнире – немалая победа для сборной команды административной единицы исполнительной власти.

27 октября

В составе команды спортклуба «Олимп» играли: Ольга Зарицкая, Светлана Дерюгина, Надежда Войлошникова, Лидия Фандеева, Ольга Гусева, Ольга Булычева, Анна Яковлева, Елена Сорокина. Победители увезли с собой призы: отличные волейбольные мячи, а главное – положительный эмоциональный заряд.

в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ тесинцы, как и вся Россия, проявили повышенную гражданскую активность: в голосовании приняли участие более 57% избирателей. (В Минусинском районе приняли участие в голосовании 61,88% избирателей). **2 декабря 2007 г.**

Предпочтения тесинских избирателей распределились следующим образом: за «Единую Россию» проголосовали 674 человека, за КПРФ – 208, за ЛДПР – 112, за «Справедливую Россию» – 95. Остальные партии, не прошедшие порог в 7% и не вошедшие в число депутатских фракций, и в Теси не нашли много сторонников.

Проза моего села



Фото В. Голубева

Антон Филатов. БОМЖ, или хроника падения Шкалика Шкарatina Главы из романа (в сокращении)

Герой нашего «криминогенного повествования» Евгений Борисович Шкаратин, неприкаянный скиталец, известный более своей кличкой «Шкалик», ищет отца. Так уж случилось: умирающая мама оставила семнадцатилетнему Женьке одно лишь сердобольное завещание, уместившееся в короткую предсмертную фразу: «Найди отца, сынок... Он хороший... не даст пропасть...». Завещание матери стало для Шкалика делом его жизни. Всего-то и слышал Женька Шкаратин об отце: «...Он не русский, а звали по-русски... Борисом. Фамилию не запомнила... Не то Сивкин, не то Кельсин... Китайская какая-то фамилия. А вот примета есть... пригодится тебе... У него мизинец на руке маленький такой... культяпый. Найди отца, сынок...»

Глава II. Легенда вторая. Вся чудовищность образования (продолжение)

*«Слабый пол сильнее сильного в силу слабости сильного пола
к слабому...»*

Неизвестный умник

– На... тебе... на!.. Ещё на!.. Будешь знать, как у матери вино воровать. А это за школу тебе!.. Мало?.. Я еще добавлю, безотцовщина ты пакостная... Ишь, что удумал: у матери последний... глоток... со стола таскать! На... тебе... на! – мама Нинуська замызганным кухонным полотенцем лупцевала Женьку. Потная, растрепанная, в расстроенных чувствах, где досада намертво объединилась с жалостью к себе и своему незадачливому сорванцу, где беспробудная мысль подсознательно искала форму разрешения конфликта со школой, а уязвленное чувство замышляло страшную месть всему белому свету, – она не жалела руки. Это надо же!.. додуматься... исключить из школы, с экзаменов, ни за что! За дурачество с незрелой бражкой... Они что там... белены объелись? – И она снова принималась мутузить обиженно хныкающего пацана. – На... тебе... за вино... за маму... за горе мое горькое... А это тебе – за отца твоего... сгинувшего! За... долю... шку-у-у... мою горемычную... – И скисла, и залилась слезами, неловко, неумело, непривычно поймав Женьку в охапку и обвисая на его тщедушной фигуре. – Женька!.. дурак ты... чокнутый, что же ты наделал...

На столе копошились первые летние мухи, смакуя роскошь вчерашнего пиршества. Лучи утреннего солнца бессовестно тарасились на происходящее, не выдумав ничего глупее, как играть солнечным зайчиком от дрожащих на столе грязных гранёных стаканов.

«...руки в стороны... вместе... в стороны... вместе... не забывайте про дыхание... Следующее упражнение...» – чёрная тарелка радио, казалось, испуганно-приглушённо комментировала происходящее.

И только из красного угла, еще с прошлой недели не обметённого от роскошной изящной паутины, из голубоглазой, пронизательной глубины взора, обрамлённого жёсткой трагичной морщинкой, струился бесстрастный и одновременно всепостижимый и всепрощающий взгляд запыленного божьего лика. «Люди, – казалось, говорил он безмолвно, – ...люди сырые, не ведаете, что творите...». И неуютно ему было в углу этом, как праведнику среди богохульства.

– Нинка!.. Нинель Батьковна, дома?.. – громовой голос Пономаря, покрывающий цокот лошадиных подков, оборвал сцену в доме соломенной вдовы. – Выходи, твою мать!..

– Ой, Сенька приехал... на работу видать, – Нинуська встрепенулась, тем же кухонным орудием наказания спешно смахнула с глаз похмельные слезы и метнулась к калитке.

– Спишь поди?.. не одна?.. Женька на покос пойдёт? – колхозный управляющий верхом на «Лютот», роскошном оседланном жеребчике, гарцевал у ворот, поднимая пыль.

– Ой, пойдёт, Семен Александрович, ой, спасибо-то... А с чем ему приходиться-то?

– Волокуши возить... С чем? Так собери сумку... молоко... квас... Чё у тебя есть?

– Так уж соберу поди...

– Вот завтра и гони... на вторую бригаду, к Кену. Сама-то куда ходишь? Или дома баклуши бьешь?

– Да на табаке я...

– Тпру-у, Лютый!.. На табаке, говоришь... Так я заеду завтра, как Женька-то уйдет?..

– Куда?.. Как это – заеду?.. Ты про что это, Семен?.. Ну, у всех жеребцов одно на уме!

Нинуська внезапно зарделась и смущенно замахнулась на всадника. Лошадь шарахнулась, но Пономарь круто осадил её и, нагнувшись в седле, поманил Нинульку жестом. – А что

это ты краснеешь, как матрешка? Говорят, появлялся этот... твой... узкоглазый-то? Или брешут?.. Чё молчишь?

Не краснотой, а пламенным жаром зарделась сельская мадонна. Напоминание о самом святом в самый неожиданный момент, да от человека, который пошаливал интимными потёмками женских сердец, то пугая до слез, то волнуя до сладкого пота, ошарашило Ниную до утраты дара речи. Она отшатнулась и резко, совсем как девочка, отвернулась к калитке. И этот ее естественный порыв, и внезапное смещение чувств, которые не часто приходится наблюдать в среде её сверстниц, закаленных сермяжным бытом, озадачили бывалого сельского сердцеда.

– Так посылай... завтра, – только и добавил он. И понужнул жеребца.

Нинуська, не глядя ему вслед, затворила за собой калитку и, молча обойдя Женьку, остолбеневшего от новости о завтрашней работе, прошла в огород, к колодцу. Она опустила ворот с бадьей и, как сомнамбула, слушала грохот цепи, вращала ручку, доставая воду. Долго стояла над полной бадьей, не понимая дальнейшего шага. И, словно спохватившись, обнаружила ведра возле колодца. Очнулась. И сквозь внезапно пробившиеся слезы – не то смеха, не то истерики – закричала громко и вызывающе:

– Женька! Жень... Неси ведро. На работу завтра пойдёшь... на покос... волокуши возить.

О, эта очаровательная пора – лето! Ах, пасторальная идиллия колхозного сенокоса! ... Тебе, моему любезному читателю, жителю сельской глубинки, хоть единожды раз падавшему на ворох ароматного сена, нет нужды источать красноречие, вызывая в памяти батальные сельскохозяйственные картины. Не нужно искать сравнительные ассоциации, заводящие душу и сердце в умиленное состояние. Помните?.. Вжик, вж-и-к, коса! Скрып, скрып, колесо рыдвана... А запах! Запах!..

Во всём свете не существует других ароматов, способных так бесстыдно напоминать нам о деревенском происхождении.

Мама Нинуська взяла на постой учительшу – навязали. Явился председатель Гурин, а за ним и директор Мужалин. Возьми, мол, временно... Говорили по переменке... и настойчиво. Нинуська не посмела отказать. Хотя с языка так и рвалось обидное слово. За что сына выгнали? А теперь приткнулись! Однако, проглотила свое слово. А заодно и горечь обиды. Только и молвила: «Пусть живёт...».

Учительша явилась на завтра. С аккуратным чемоданчиком и связкой книг. Вежливая. Оглядела свой угол и тут же спросила: не надо ли чего помочь. Дел было много и вскоре учительша – звали её Анной Михайловной... «можно Аней»... – мыла полы в избе и рассказывала про подруг из педучилища. Одну завербовали на север, в Игарку, другая попала в хакасскую деревню, а третья – в соседнем селе, недалеко тут... за Тубой.

– Давай-ка обедать, Аня. Потом уж на огород пойдём.

– Ой, а у меня ничего нет. Мне еще подъёмные не выдали.

– Как обидно-то! А я так на дармовщинку рассчитывала! Ну, думаю, по-городскому отдаю... Держи карман шире!

– Правда? Вы шутите?

– А как же! Да и обмыть бы не помешало... Облизнулась! Ну, давай – чем бог послал, садись, не робей.

– А вы весёлая... Вы мне нравитесь. Одна живёте?

– Сын у меня... Женька. На покосе трудится. Со школы выгнали... работать пошел.

– ...Огурчики солёные... Это молоко у вас?.. А почему выгнали? Давно молочко не пробовала...

Мама Нинуська нахмурилась и лениво ковыряла вилок в жареном картофеле. Есть не хотелось. «А учительша, видать, ничего, – думала она мимоходом. – А пусть живет: всё хоть живой человек».

Вскоре Анна Михайловна всё знала про Женьку и про его школьную историю. Вначале стеснялся Женька и уходил от вопросов. Но учительша, рассказывая по утрам и вечерам о своём былом житье-бытье, как-то ненавязчиво выспрашивала сельские подробности. Расспросила про директора и учителей. И даже про председателя сельсовета. И ничего не было необычного в её интересе, только мама Нинуська отметила тут наступательную тактику и неотступность. И это обращение к её главному беспокойству, занозе саднящей и днём, и ночью, подкупало и умиляло материнское чувство. Раскрепощало и Женьку.

А как-то за одним из ужинов Анна Михайловна неожиданно предложила: «А давай заниматься? Я подготовлю тебя к экзаменам... а там посмотрим, что можно сделать...». И была в её предложении законченность и решимость, против которых Женька ничего не мог возразить. Хоть и взбунтовался... молча. Хоть и ужаснулся.

– ...теорема Пифагора – это же так просто! Квадрат гипотенузы... Ты про гипотенузу, Евгений, слышал что-нибудь? Только не молчи.

– Слышал, – Женька уже зевал. Третий час они... проходили геометрию. И крошечная ночь перевалила за третий предутренний час. Учителюша была вне себя от сдержанной ярости и негодования. И уже плохо сдерживала себя. А Женька зевал... зевал, отчаянно сводя скулы.

– ... Хорошо! А что именно?

– Гипотенуза... ну... бегала по углам...

– Зачем?.. Быстрее рожай... думай...

– ... делила угол...

– ...пополам! Как интересно! Только это сказочка про биссектрису! Это такая крыса, которая бежит по углам и делит угол... пополам. А гипотенуза...

– ...равна квадратам... катетам...

– Вот! Можешь, когда захочешь!.. Но Пифагор бы просто... пожурил тебя... за неточность. Квадрат гипотенузы... равен сумме... сум-ме! квадратов катетов...

– Анна Михаловна, а нам говорили, что пифагоровы штаны на все стороны равны... Брешут, да?

– Кто эту дрянь вам говорил?!

– Николай Иваныч...

– Евгений!.. Сейчас же выброси из головы эту... дрянь! Бедный Пифагор! О, санта симпликитас!..

– Анна Михална, а по какому это вы?..

– Не отвлекайся. Итак, пифагор-ровы... какие штаны... какие штаны?! Евгений... ёх-монах! Неужели у тебя, Женя, гордости нет? А?.. Тебя из школы турнули... Из советской школы! Тебе же доказать надо!.. Реабилитироваться!.. Я бы на твоём месте... Они бы у меня рты разинули от удивления. А ты... Штаны! – она обреченно села, глядя в тёмную ночь через кухонную занавеску.

– ...ложитесь уж спать, полуношники, – подала голос мама Нинуська. Видать, тоже не спала. И мучалась, не зная, как остановить это... обучение... И надо ли оно...

Женька, воспользовавшись мамкиной репликой, тут же подался из избы к себе, на крышу. Аня продолжала наблюдать за движением ночного мрака. Она досадовала. Она не могла пересилить себя и отойти от урока так же внезапно, как её незадачливый ученик. Негодование и досада не отпускали сердца, как, вероятно, сердца полководцев не отпускает проигранное сражение.

Но пора и честь знать. И, шелкнув выключателем, она впустила ночной мрак в жилище.

Цывкин шоферил на стройке трассы «Абакан-Тайшет» последние дни. Он выстоял тут свою тысячу вахт и чертову дюжину приключений. Горел в МАЗе, на биваке ночующей автоколонны, чудом «катапультировавшись» со спального места в сентябрьскую Бирюсу. Много часов провел в засаде на таёжного зверя и осенью, и зимой, уступая лавры славы бывалым

загонщикам. Ходил на голыцы за золотым корнем, мечтая разбогатеть в одночасье... Если можно было бы посчитать кровь, выпитую здесь кровососущими насекомыми, очевидно, он стал бы дважды почётным донором. Да и часы, проведённые за баранкой, в колее таёжной трассы, называемой «дорогой» только веселым маркшейдером Плутиным, запечатлелись в памяти на века. Он, не герой и не беглец, уходил со стройки не первым. Не со щемящей совестью. Но и не с чувством выполненного долга. Еще можно было повременить, потянуть ляжку, подождать каких-то симптоматических знаков, подводящих жирную черту под этим этапом жизни, но... Но таков уж Цывкин. «Решительный, как Буратино», – как определил веселый маркшейдер Плугин.

Никто не пробовал отговаривать. Но заговаривать и говорить многие стали без обычного дружелюбия. И одна лишь повариха Фроська, полная и «компактная», как берёзовый сутуночек, деваха, с обворожительной улыбкой в тёмных томных глазах, откровенно объявила презрительный бойкот. «Ты чего хамишь?» – пробовал урезонить Борька. Но Фроська, покрываясь алой краской, небрежно плескала щи в чашку и только ещё более борзела. «Фрося, так я ведь... всей душой...», – намекал Цывкин, но повариха досадливо поводила полным плечом и не поддавалась на провокации.

На днях должны были привезти аванс – и это был отправной момент бывшего «абакантайшетовца» Цывкина. Забыли уточнить: на какой именно неделе... Дни тянулись, как шпалы. Ждать было невтерпёж. Несбывшиеся ожидания вносили в Борькину душу осатанелость. Деньги не везли. Фроська подобрела и по-прежнему напускала туман в глазки...

Сегодня механик Тонкин посадил в кабину МАЗа Кешку Шабалина, выпускника ремесленного училища из Провинска. «Постажируй». – коротко объяснил Тонкин. «Так я на два дня», – неопределенно возражал Борька. «Ну и чё?...» – дал свое согласие щуплый стажёр Кешка.

– Ещё вякнешь – скручу... в баранкин рог, – бесстрастно и грубо осадил Цывкин Кешку. И запустил двигатель, заглушая недвусмысленные напутствия Тонкина.

В Решоты за грузами он ходил, как к теще на блины: с удовольствием и досадой одновременно. В пути рулём владел какой-то добрый бес, шаловливый и виртуозный. Зелёное марево тайги, как пьянящий океан, накатывало на бойко бегущий грузовик и качало его в своей колыбели, словно одиноко тонущую шлюпку. Сердце шофёра готово было нырнуть в зелёный туман, раствориться в нём и навсегда забыть трассу и всю её черно-белую реальность. Он млеял от тихой радости путевых впечатлений и мысленно улыбался. Дорожное одиночество было мило и дорого, надолго избавляя от производственной суеты, успокаивало нервы.

Плутая среди решотовских бараков, находил магазин или товарную базу и затаривался по заготовленному списку. Перепадали и дефициты: индийский чай, болгарские сигареты или соленые огурчики в банках... И только мрачные изгороди колючих заборов, которым не было конца, портили настроение и навевали душевную смуту. Цывкин не понимал, почему эти колючие километры цепляли его за сердце, за живое... Он не отождествлял себя с зоной. Какого черта! И всё-таки на душе было смурно и стыдно.

Сегодня он не собрал списки на дефициты... И не поймал зелёного беса. И не улыбался мысленно.

Несколько раздраженный Цывкин выжимал из МАЗа все лошадиные силы. Раздражение было беспричинным и никак не отпускало. Напротив, на каждой рытвине, полной сине-зелёной тины, «МАЗ» все более грохотал своею мощью и шараялся по сторонам, словно пьяный бык. Стажёр вжимался в угол и, уставившись в налетающую колею, обречённо молчал. И тем ещё более раздражал Борьку Цывкина. Вековечная влажная тайга угрожающе кренилась к окнам кабины и тут же испуганно металась в сторону: океан разбушевался. Куда девалось веселое таёжное бесовство?

– ... постажируй... ё-п-р-с-т! Напарника посадил... как пить дать. Я постажирую! – и давил на газ. МАЗ податливо ускорял ход.

– Стажер, говоришь, – кричал в угарном азарте Цывкин, – твою... мать... рано списали... Стаж-ж-жируйся! Пока я цел... Как зовут-то? Кешка?! А меня... Борька! Держи краба, Кешка!.. – и продолжал крутить рулевое колесо левой рукой. – Не бойся... бог не фраер... а ну давай за руль... стажёр! – и он на полном ходу стал всей своей статью вылезать из-за рычагов...

– Не-а! Не... Не надо..., – запротестовал парень, нелепо отмахиваясь от предложения.

Но Цывкин не отступал:

– ... за руль! Кому говорю!.. Держи баранку, стаж-жёр... хренов! – и волочил упирающегося парня за рукав.

МАЗ месил колею и шелестел шинами на коротких отрезках сухой гравийной отсыпки. Лихо взлетал на пригорки и без тормозов устремлялся в тёмные распадки. Цывкин, как циркач в цирке, готовился к трюку.

Он встал-таки на сиденье ногами и, согнувшись «в три погибели», затаскивал стажёра Кешку на своё место. Перепуганный парень вцепился в руль заколоденными руками. Кепка его съехала на лоб и закрыла видимость. Локти уперлись в сигнал МАЗа...

Цывкин просто осатанел. Он больше не контролировал себя. Накопившаяся многодневная усталость нашла долгожданный выход. Злоба обрушилась на ни в чём не повинного паренька, волею судьбы оказавшегося на этом зыбком месте...

Тайга гудела хриплым рёвом МАЗа и равнодушно смотрела, как мощная многотонная машина, выдернутая из дорожной колеи сильной рукой Цывкина, внезапно завалившегося в кабине, в долю мгновения пролетела узкую бровку дороги и всей своей тяжестью, движущейся динамикой, усиленной инерцией движения ударила о стоящий в низинке кедровый ствол. «О-ох!.. ты... барахты-ы-ы!..» – покатился по тайге стонущий гул.

Тысячи свидетелей могли бы приукрасить бесценными подробностями картину крушения в немой таёжной глуши. Вспугнутые, потревоженные, порушенные и потрясённые, они бы объяснили чрезвычайное происшествие во всех его деталях и со всею своею страстью... Оцепенели ли их уста, охватило ли остовы столбняком, остановилась ли кровотоечение – кто их знает... Однако, они безмолвствовали и бездействовали в подавляющем большинстве. Не считая нескольких десятков кедровых шишек, отбарабанивших по железной кабине грузовика.

Глава XV. СОБРАНИЕ «СОТЕЧЕСТВЕННИКОВ»

*«Глоток свободы можно и не закусывать»
Неизвестный умник*

Шкалик ушёл с собрания по-английски. Душа!.. душа не вынесла проявлений провинской политики. А если не душа, так какое ещё место так засвербело, что в голове мигрень ожесточилась?.. А, может, пятки загорелись или где зачесалось, будто гниды взбесились...

...«Какое дьявольское изобретение! Пытка! Будете мимо проходить – проходите рысцой, люди добрые; а проезжать – счастливого пути!» И только – вот ведь наказание! – назвался груздем, присягнувшим Уставу, таскайся на идиотские маёвки... Неужели нет и не может быть избавления от партийной... блин... дисциплины? – так томился молодой политик Шкалик Шкаратин, решивший в одночасье порвать с «Отечеством». И, тихо притворяя за собой дверь неуютного конференц-зала, остановился в вестибюле, чтобы осмыслить принятое решение.

По периферии каменного замка, каковым с первого взгляда казался Дворец прошлой культуры, прилепились жилые высотки и пустыри, и недоделанные парки, и недостроенные площади. Одно лишь бетонное крыльцо, тупой ступенчатый постамент, подвалившийся к фасаду дворца с трех сторон, являлся наиболее законченным произведением зодчества. Киоски, запылённые автомобили, разновензельные, как на старых кладбищах, ограды... Выщербленные тротуары... Однако живым, завершающим венцом всех окрестных творений и всё прощающим пафосным апофеозом благоухало над серым замком позднее лето. Птицы в ветвях, буйная зелень нетоптанных бурьянов...

С высоты птичьего полёта замок возлежал надмогильным камнем... И не вираж коршуна, не синяя лента петляющей реки, не рвано-жёлтое пламя высящихся вокруг тополей не сообщали ему какой-либо динамики...

Внутренние же залы, холлы, коридоры, потолки и полы, щедро меблированные шахматными столиками, шторами, багетами, витринами, гардинами, обнажали эклектику перехода от эпохи соцреализма к эре накопления капитала. ...И только масонская малолюдность прилегающей территории и богема замковых келий, обнаруживающих остаточную жизнь, дарили надежду на живость грядущего дня.

Все началось с опоздания. Шкалик опоздал по устоявшейся привычке. Как всегда, спешил, а в последний миг потянуло на кружку пива – ну не наваждение ли! Никто, однако, не заметил его отсутствия и, как не обидно, – присутствия. Как оказалось, Шкалик опоздал не последним. Ещё – фракция безработных в лице Борьмана, усиленная сочувствующим Пендяевым. Беспартийная – до поры – молодежь... одинокие старушки... неуместные телевизионщики.

Еще долго опоздавшие хлопали входной дверью, вызывая всеобщее раздражение сидящих в зале. Последним опоздал Политсовет Прогиндеев.

Подсевший к Шкалику интеллигент, тоже, вероятно, действительный член Движения, более заметный сильно утолщенными линзами очков, личность которого лишь по ним и удавалось запечатлеть, тут же доверительно сообщил:

– Сейчас скажет «я предпочитаю говорить товарищи», – и ухмыльнулся еще более доверительно.

Шкалик порыскал глазами того, кто должен произнести этот пароль и, так и не обнаружив адресата, остановил взгляд на партийном вожде. Прогиндеев был в галстук и кожаном кепи. Другие части одежды не привлекали любопытства. Крупные мясистые черты лица, как и складки кепи, фактурно дополняющие портрет, составляли холёную породную физиономию. Барельеф её выпирал благородством. Бюст, корпус, да и весь его шкафообразный облик – под

стать благородному верху – внушали ритуальное уважение. Он, как заметил Шкалик, шамкал губами, кокетничал косым взглядом, комплексовал брюшком. Тонко манерничал на манер молодых дам. Прогиндеев прошел за трибуну, притёрся в удобную позу и тихо сказал:

– Здравствуйте, кого я не видел, товарищи, – не услышав ответных приветствий, повысил голос. – Я предпочитаю говорить «товарищи». Не знаю, как кто, но мы здесь собрались не случайно. Я думаю, мы и раньше были товарищами... Многие состояли в партии. Может, у кого есть другое мнение?

Внезапно, как последний опоздавший, зажегся свет над трибуной, высветивший авансцену, задник с плакатом «Центризм – это позиция миллионов», в котором не хватало одной буквы. Высветил и пятно оратора в мизансцене театрального монолога.

Других мнений, очевидно, не было. Даже Шкалик, не отнесший ни одного слова партийного вождя на свой счёт, не возразил. Шелест ровной речи вождя, напоминающий капёж дождя, заставлял инстинктивно ёжиться.

Прогиндеев пространно излагал, «почему мы вступили в «Отечество»... Он-де – по принципиальным позициям не мог состоять в одной партии с бывшими коммунистами... Тем более с Козловым... И ни за что не мог состоять в стороне от борьбы за новую Россию. Политическая программа «Отечества» вполне совпадала с его мнением – по многим позициям... В том числе по экономическим... соображениям.

– ...давай по существу! – не дослушал кто-то в зале.

– ...короче! – солидарно и несдержанно выкрикнул и Шкалик. Из опыта прошлых собраний он знал, что вождь Прогиндеев склонен к чистой философской риторике. Информационное содержание его выступлений не грешило познавательным излишеством.

– Мы с коммунистами не расходимся по принципиальным позициям, – ровно продолжал вещать Прогиндеев. – В наших программах много общего. Например, ревизия результатов приватизации, национализация предприятий, а также... мостов и банков. И с правыми... с Явлинским... нам по пути, если они оставят в покое тело Ленина. И пойдут на наш компромисс... по вопросу о земле. Всем ясно, о чем я говорю? Кому не ясно, товарищи, я могу довести в личном порядке. У меня в кабинете... Потихе там, в зале. Вы здесь не на митинге. Кому не интересно, могут покинуть зал. Мы здесь никого не держим!

Последние реплики оратора Шкалик полностью принял на свой счет. И это снова огорчило его. – «Чёрт шепелявый! Губошлеп! Сосун...» – оскорбительные определения, готовые сорваться с языка, еще более раздражали и возбуждали его.

– Вопрос можно? – громко прозвучал вопрос. – А в чём мы расходимся с левыми...

– Вопросы после выступлений. Впрочем, я закончил. Ещё есть вопросы?

– ...и в чём мы расходимся с правыми?

Шкалик подумал о политической близорукости. Как он мог связаться с центристами!

Явление «Отечества» в Провинске, недавно открытое и учреждённое местным Социологом, было «слаборазработанным», как и сам Провинск. Можно было присоединиться к партии Жирика. Вдвоем с местным элдэпээровским вождем они создали бы либеральную ячейку и выбрались делегатами на их партийный съезд. Горько осознавать, что карьера обрушилась, так и не начавшись...

...Почему он не пошел к большевикам?... Не вступил в «Женщины родного Красноярья»? Не надкусил, в конце концов, краснобаевское «Яблоко»? Почему везде опоздал?! Кто виноват?! Это всё она виновата, провокаторша Гурина! Увлекла малоразработанным центризмом! Перспективой покорения столиц и завоевания парламентских фракций. Ну, фурия... – Шкалик готов был к немедленному мщению... Зуд крови властно звал его к выходу.

– А деньги будут давать? – вдруг спросил притихший рядом интеллигент.

– Какие деньги? – разом оживился Шкалик. Волна адреналина хлористым кальцием плесканулась по членам.

– Обещали... в виде аванса...

Шкалик внутренне повеселел и вновь обратил внимание на трибуну. Здесь отчитывался начальник избирательного штаба Солнцев. Он соответствовал своей лучезарной фамилии. Не смотря на свет, потускневший в светильниках, а затем и вовсе пропавший, оратор не поблёк.

Прямой и сухощавый, высокий и подвижный, открытый и нарочито крикливый, Саня Солнцев подкупал аудиторию весёлым напором коротких, понятных фраз. Он не улыбался, но глаза лучились таинственным лукавством. В ответ на его заявления собравшиеся взрывались хохотом и одобрительными возгласами. Фракция безработных зычно подсвистывала. Прогиндеев ёжился.

– Всё, о чем говорил предыдущий... политсовет, я понимаю по-своему, – говорил Солнцев. – С левыми и ультра нам не по пути. Насмотрелись за восемьдесят лет... Так я говорю? – Возгласы в зале.

– А во всех программах партий, как в библии: одни добродетели и моральные кодексы. Не убий, не грабь...

«Не блуди», – дополнил от себя Шкалик.

– ...Все говорят одно и то же, а делают один пиар. Вот тут спрашивали, мол, что у нас общего с другими партиями... Надо кончать с этими правыми и левыми уклонистами! Правильно я говорю?

Шум в зале.

– Все должны завтра выйти на площадь и взять плакаты «Отечества». И с ними выбираться. России сейчас так тяжело, что выбираться придётся всем миром. Плакатов хватит всем! Не хватит – Пендяев еще наделает. Мы должны завалить всех конкурентов плакатами! Если кому-то конкретно... не достанется, я свой отдам! Правильно я говорю?

Овация в зале.

– У кого есть вопросы ко мне лично?

И тут же робкий, но настойчивый голос поднял уже знакомую мутную волну ожиданий:

– ...А деньги будут давать? – и зал всколыхнулся, точно внезапная морская волна. И впервые проявил сокровенную внутреннюю мощь, оправдывая звание Движения.

– Да погодите вы про деньги! – охолонул оратор Солнцев.

И тогда зал внезапно колыхнул своим девятым валом. Задние ряды поднялись и выдвинулись на авансцену, средние повскакали с мест, передние приняли оборону на себя.

– ...я уже на работу опаздываю!

– ...после дождика!

– ...в регламентном порядке, товарищи!

– ...да выведете его там!

Внезапно боковая дверь конференц-зала распахнулась настежь. И вместе с потоком свежего воздуха в неё вошла... влетела... ворвалась диковинная фигура в роскошном белом, широко летящем одеянии. По проходам... рядам... и, казалось, даже вкрест прямоугольной геометрии, ошеломляя аудиторию, она завороживала своим движением зал, заколдовала каждые глаза... Вспышки молний, или тот же мигающий электрический свет, или нечто потустороннее, которому не сразу придумаешь название, – навели столбняк. Миг... другой... вечность ли, а возможно, и вовсе остановленное время, людское сознание затмевало поразительным явлением. Может быть, каменный замок пошатнулся и пополз по швам. А, возможно, неучтённая комета нарушила планетарный ход событий...

– Я Мать-Россия!.. Ваша мать!.. должна... спасти вас от тоталитарного режима! Долой геноцид!.. Я требую покаяния... за Гулаг... и жертвы! Я Мать-Россия! И вы мои дети!.. за всё мне заплатите! Кровь... на моих одеждах! Руки мои в крови!.. Руки прочь от товарища Сталина!.. – и ещё, и ещё что-то нечленораздельное.

Девятый вал откатило назад.

– Мать-Россия... местная, – сдавленно шепнул Шкалик интеллигент. – Сумасшедшая.
– Извините, женщина, у нас тут собрание. Не мешайте, пожалуйста. Приходите завтра на митинг. Мы с удовольствием дадим вам слово, – Политсовет Прогиндеев попытался остановить посягательство.

– Да это же Мать-Россия! Известная..., – выкрикнул в адрес Прогиндеева активный интеллигент.

– ...а пусть она скажет, – тут же поддержал соседа Шкалик.

– Выведете же её кто-нибудь! – не сдержал возмущения из-за трибуны оборванный на полуслове оратор Солнцев. В то же мгновение политик Водолевский сорвался с места и устремился опрометью вниз по ступеням. Он перехватил стремительный и бессмысленный бег мессии, грубо ухватив её за белое одеяние.

– Мать-Россию не поставишь на колени! Долой насилие и... продажного президента! Олигархи, верните деньги! Вы все мне ответите... за вашу мать! Сорвите оковы! – своими лозунгами она рвала души.

– А я так понимаю, товарищи, надо дать ей высказаться! У нас демократия, наконец, или... кузькина мать? – в полный рост и в полный голос поднялся в зале Саня Борьман. – Правильно я говорю, Пендяев? Отпусти её! Я от имени фракции... и требую, а не от себя лично...

– У нас плюрализм!

– ...что вы нам рот за-за-затыкаете? – выкрикнула из задних рядов старушка в красной косынке.

– ...может, она правильно... вещает! Дать ей свободу слова! – сорвался и Шкалик в полный голос.

И снова в зале всколыхнулись морские глубины. Нервной дрожью по рядам прокатился неосознанный стихийный протест.

– Товарищи!.. Товарищи, у нас же регламент, мы же проголосовали, – с укоризной в голосе вновь попытался перехватить инициативу Прогиндеев.

– ...проголосуем за поправку!

– Товарищи... провинцы! Господа... политики, я прошу слова! – из зала за трибуну почти пробежала другая женщина, очевидно, тоже созревшая для политического момента. Она решительно и даже несколько неосторожно отодвинула Саню Солнцева из-за трибуны, бойко поднимала обе руки, призывая к молчанию. Её крамольно-красивая грудь, заволновавшаяся от неосторожных движений, и пламенность призыва, и внезапное раскрепощение – приковали внимание. Даже Водолевский на миг замер. – Я солидарна с этой матерью... Россией! Я тоже требую покаяния и... кардинальных мер по спасению отечества! Вы почему зажимаете нас? Зажимаете свободу слова и зажимаете демократию! Без женщин вы снова повернете налево!.. Извините, я волнуюсь, но я хочу... я искренне хочу... идти с вами в ногу по пути построения нового общества. – Она была хороша собой и хорошо говорила. И поднимала зал каждым порывистым словом. И уже могла бы быть духовным вождем этого зала, способным... кажется... перевернуть мир.

А на другом конце зала вновь поднялась возня. Женщина в белой мантии рвалась из рук старика Водолевского. – ...Я ваша мать... Руки прочь от России! – зычно шептала одержимая, сопротивляясь новому порыву Водолевского к её насильственному выдворению.

– Выведите... удалите Россию из зала, товарищ Водолевский! – энергично попросил Солнцев, деливший в это время трибуну с женой.

И Водолевский, упираясь с удвоенной силой, выволок женщину в дверной проём, захлопнул за собой дверь.

Политсовет Прогиндеев вышел на авансцену и, подняв руку, призвал к молчанию.

– Извините, товарищи, за технический сбой. Продолжим повестку собрания... Предлагаю слово товарищу... Солнцевой!

– Я, кажется, все сказала... все сказала, что думала, а выводы вам делать! – и несколько обескураженная Римма Солнцева нерешительно, но в сердцах, покинула трибуну.

– Кто хочет высказаться в прениях?

– А деньги будут сегодня давать? – неожиданно для себя в полный голос спросил Шкалик.

– ...да жди... будут... дождёшься тут..., – отозвался зал всей своей разнопламенной страстью. – Когда нас, наконец, за людей держать будут?!

– Будут, товарищи, будут! – успокоил Саня Солнцев, возвращаясь вслед за женой в свое кресло.

– С деньгами – я со всей ответственностью заявляю – пока туго. – перехватил инициативу начальника штаба Прогиндеев. – Я поясню свой тезис, – он пожевал губами, словно сосредоточивал мысли, и... пояснил: Деньги идут из Москвы...

– ...вечерней лошадей, – договорил зал.

– Товарищ Боос... а я не могу называть его иначе, сказал по телевизору, что финансирование нашей избирательной компании будет проходить в полном плановом порядке. Я звонил Новикову. Кто не знает Новикова, я доведу в личном порядке. Господин Новиков... а я не могу называть его иначе, вероятно, лжёт, когда говорит, что деньги не поступили из Москвы. Например, в Хакасии, у товарища Герасимова... мы познакомились лично... финансирование уже идёт. Я буду звонить Новикову завтра. Мы вас известим о результатах... А сейчас собрание закончено.

Это сообщение Политсовета Прогиндеева подняло зал. Зал встал, заволновался и закипел... Вот уже кто-то выкрикнул «долгой Политсовета!» и «Свободу Матери-России!» В зале запели гимны! А кто-то опрокинул стулья... вынул шашки, и... пошла резня и поножовщина... Кровь, как пена морского прибоя, потекла в дверной проем, смывая тумбы и столы... Шкалик инстинктивно поджал ноги и... мгновенно очнулся. Слава-те богу! Никакой резни и никакой крови. Все соотечественники, как после киносеанса, спокойно покидали зал Замка бывшей культуры, обходя пену опрокинутого огнетушителя.

Это последнее сообщение Политсовета Прогиндеева переполнило последнюю чашу терпения нашего незадачливого героя. Внутренне Шкалик взвыл. Если бы он имел способность окрашиваться разноцветным пигментом в прямой зависимости от настроения, то сейчас, в этом уютном, неухоженном зале, среди других бесприютных «соотечественников», в этот гнуснейший миг Шкалик Шкаратин в долю мгновения обратился бы в чёрный траурный цвет. Но, увы, люди – не ящеры. Они не способны сообщать о переменах своего внутреннего мира посредством пигментации кожи.

Шкалик встал, не заботясь о тишине в зале, и, опережая своего интеллигентного соседа и других сочленов Движения, нестройно покидающих зал, вышел в вестибюль. Здесь, среди коалиции иных лиц, оставивших зал в демонстрационном порядке, он поискал глазами пару, способную составить спасительный «бермудский треугольник». На троих!

Ах, мой любезный читатель! Оставляю нашего героя спешащим в «Провал» со товарищами. Надеюсь, у «соотечественников» найдётся необходимый ресурс для восстановления нормальной нервной деятельности. Оставляю и вас – удовлетворённых или слегка разочарованных – в состоянии эпатажном или в добром эстетическом вожделии – на короткий технический час. «Время пить хершу!» – призывает нас реклама нового времени. За нас с вами и... за хрен с ними.

Глава XIX. Правление

Русская пословица По семеню и плоду.

– Аллë, Тюфеич!.. Ты что трубку не берëшь?.. Я на кой хрен тебе телефон спонсировал?.. Ты должен... ёпсель-мопсель... звонка моего ждать, как бабу в постель. Вожденно, во как!.. Да ладно, не ёрзай... Вот что: подгони-ка свою телегу сюда. В Цывкина какой-то хер въехал, задок в салон вмазал... Менты... кранты... Ты, Александр Тимофеич – как два, по третьему... Не знаю, где водилу возьмëшь! А свои советы – колхозникам побереги, им впору будут. Тридцать пять минут тебе на все про все... И второе: собери-ка к семи... ноль-ноль... свою банду. Ну, правление... Правление править должно!.. а не воду в ступе молотить. А ты... извини, конечно, за намек... Правлением править должен! А то правленцы эти твои – дал же бог! – как бараны, мыслëю по дереву растекаются. Всë. Жду. Ах-да! Чуть не забыл... Джин с тоником... пару банок... не забудь, ага? А то юрист у меня дар сознания утратил, а ему еще твоих... огулять надо... Потом и депутата! Теперь всë.

...Правление собралось к концу девятого часа. А и то не все пришли. Некоторые, видно, подвох почували и... «склали полномочия». Или решили отсидеться. Что-то недоброе замышлялось за их спиной. Не изведенное. Не мыслимое. Своей глубокой мысли не хватало, а за чужой сходить некуда: ни парткомов, ни профкомов... Раньше, бывало, в контору придëшь, по кабинетам прошвырнëшь, по коридорам покалякаешь и – туесок полон. Таких советов нахватаешься!.. Там пожалуются на перекупщиков («ливер, подлюки, бесплатно забирают!»), а там – по поводу соломы (не купить, не украсть), в других местах и того тошнее: надо, говорят, или Сталина поднимать, или этих сваливать... Наслушаешься – руки чешутся. И другие идеи, как грибы после дождичка, пустую голову заселяют.

Теперь все по норкам. Как суслики, прости господи!.. Какое тут собственное мнение выкажешь?.. И как выскажешь? Дай бог, за что-нибудь гнусное не проголосовать. Может, и впрямь отсидеться? Ведь придëшь, голосовать станешь – и воздержаться, как раньше было, не позволят; всю кровь выпьют, изнасилуют...

Но пришли – на кворум хватало. Обменивались вполголоса на отвлечëнные темы. Ждали. «Сам» тоже ждал. Видно было по нервному тикю задней ноги. Головы не поднимал и что-то всë записывал, как Ленин в шалаше. И так тихо порою становилось, что если шарик в ручке проскальзывал, то скрип по сердцам бензопилой елозил. А тем временем Полина Прореха всë новые бумаги подносила. Сам бумаги-то не брал, а только косился на их писанину, как конь на травленный овес. А вот и бухгалтер что-то травленное принëс, да такое, что Сам отшатнулся и в карман за таблеткой полез. Однако, там только телефон надыбал, да и схватился за него, как инфарктник за соломинку. Пошла звонить наша Пелагея...

Эх, и откуда только слухи берутся? Да какие же они причудливые! Иные такой фантазии требуют, какой в сельской глубинке отродясь не водилось. Почва народилась? Чернозём! Про снежного человека чудили, даже ловили не раз, в багажниках домой завозили. И где он? В итоге Ваньку Химику, русалкой околдованного, шерстисто-голового, с этим... срамом перпендикулярным. посредине белого дня на Тубе обнаружили... А то призрак коммунизма мерещился, скольких рядовых членов с ума свëл. И ведь явился в итоге!.. Ага, капитализмом проклятым! Диким, как кошка сиамская. Визжит, царапается, глаза фосфорицируют, как у жадного коммерсанта, который зараз разбогател, а за два... обанкротился. Может, вранье это всë? Слухи? Не слышали про золотой миллиард?.. Слухи, видать, не дошли... Там же ещё – про мировое правительство. Это – как раньше про коммуны трепали. «...Все будет общее, обобществлëнное: хлеб, скот, труд и бабы...». До баб, правда, немного не дошло. Значит, не всë ещё потеряно?

Вчера возле кассы, в самой подходящей почве для самых невероятных слухов, пошел разговор (за что купил, за то продаю!) про Пушкина. Якобы, он Гоголю мертвые души предложил, а тот-то нанял Чичикова и запустил его на село. Нынче таких арендаторов рейдерами зовут. Но дело не в новом языке, а в старой сказке на новый лад. Народ теперь грамотный пошёл. В понятиях разбирается. И такой возле кассы бор разгорелся!.. Первые кричат: «Мы и есть мертвые души!»... Вторые возражают, нас, мол, не купишь, мы, мол, в этой гоголевской авантюре участвовать не желаем. Санников вообще резко выразился. Я, говорит, что?.. Пушкин, что ли?.. Никому своих «мертвых душ» не продаю! Ну, в общем, потом нашлись там и Плюшкины, и Держиморды.... Кто-то ещё... не помню. Нет, не помню, чтобы слухи когда-нибудь живым мясом обрастали. Чтобы неправда наглая скромной правдой оборотилась. Чтобы ведьма сельская, какая-нибудь русалочка тубинская, вдруг невестой да вдруг женой мягкопокладистой-то и явилась. Не-а. Не бывало того.

Уже знаменитая с некоторых пор тройка залётных рейдеров не заставила себя ещё более ждать. Заявилась, когда улеглась пыль утренних разнарядок. Как и всегда, в настроении, при параде и при делах. Продефилировав на второй этаж под скромно-провинциальными взглядами колхозных служащих, бесцеремонно ввалились в кабинет Самоварова. Вежливо-безразлично покивали головами в знак дежурного приветствия. И сели.

– Тэ-э-кс, – в напряженной тишине первым проговорил Савицкий, – раскинем карты. Я полагаю, у нас есть председатель, секретарь, кворум и все необходимые документы, – он косо посмотрел на Самоварова и его стол. – Не будем отвлекаться на формальности... регламент... регистрация... что там у вас ещё... перейдем к главному. Но прежде, Сан Тюфеич, попросите, чтобы нас не беспокоили в течение получаса. Думаю, этого нам хватит на всё про все? – и не дождавшись реакции на последний вопрос, договорил: Я попрошу своего юриста, как специалиста своего дела, знакомого с процедурными заморочками, изложить нашу идею. Надеюсь, господин Самоваров посвятил вас...

– Э-э-э, да собственно... в рабочем порядке... так сказать... по ходу. – несколько замялся Сам.

– Ну и добро. Приступим.

Члены колхозного Правления – лица выборные. На отчётно-выборном собрании колхозники избирают их с полновесными полномочиями: годовой баланс принимать, перспективу планировать, другие краеугольные решения рассматривать. Тут микитить надо. А ещё желательно – принципы обнаруживать. Вот собрание и выискивает наиболее самостоятельных кандидатов. Избирает – честь по чести. Наказы им даёт...

Нынешних давно избрали, так давно, что и легитимность их вся вышла. Законное, то есть, пребывание во членах... Но очень уж желательно их отчёт послушать! И баланс рассмотреть. В общем— убедиться в незыблемости слонов, на которых колхозная жизнь стоит, держится. Тут кое-какие сомнения есть. Не то слово – сомнения...

А уж то, что происходило в последние месяцы и дни, то, что свихнуло мозги и вымотало душу, и по сей день ни в какие новые ворота не лезет. Отчетно-выборное собрание не назначается, никто не отчитывается, ревизионная комиссия руками разводит... И жаловаться некуда! Вот-те и приехали! А главное-то безобразие: скупка-продажа паёв. Как это понимать надо? Кто разрешил? И к чему это приведёт?

Выборные лица натерпелись. Их каждый второй колхозник спрашивает и вопросы в острой форме преподносит. Спасибо, за грудки не хватают... Им, выборным, с этими вопросами только к Саму идти. Только Сам-то давно их не жалует. И все к телевизору отсылает. Как будто телевизор за всё в ответе.

– Итак, мы занимаемся оживлением экономики вашего хозяйства, – бойко, как на процессе, начал Юрист (не будем обременять читателя персонификацией личности), – а это невозможно без смены формы собственности. Надеюсь, вы это понимаете. На вопросы я отвечаю...

в свое время, – упредил порывы активных правленцев. – Артельная форма собственности, в коем ваше хозяйство пребывает де-юре, является архаичной, не отвечающей духу времени. Дискуссию по этому поводу считаю непродуктивной, – снова упредил отдельные реплики. – Новые формы собственности прописаны законами Российской Федерации, и мы должны, просто обязаны в кратчайший срок... вместе с вами переоформиться. Этого требуют интересы дела.

...Угрюмо слушает Юриста бывший тракторист Русик. Натрудив руки и хребет, три года как оставил трактор. Первый год получает пенсию и всякий раз напивается со зла. Или со стыда. За «ихним пособием» стыдно на почту ходить. Стыдно дочке-выпускнице в глаза смотреть: не на что учить дальше. Годы ушли – и силы. Скрывая лысину, и летом, и осенью, на улице и в помещениях носит он приглянувшуюся кожаную кепку. За козырьком хорошо глаза прятать.

За этой кепкой и ветеринаршу Бадальникову не видать. А на людях, вроде, видная. Улыбчивая, глазастая и за словом в словарик не заглядывает. Иных мужиков неизъясимой нежностью приваживает, а других – как вожжей отхлещет. За эти её способности век ей, видно, в выборных правленцах ходить.

Совсем другая женщина бухгалтер Таисия Крошкина, тоже выборная. «Крошка» – и все тут. Первым впечатлением её за городскую корреспондентку принимают. Или за медсестру скорой помощи. В руках её, преподносимых не менее эротично, чем модельно-подиумные ножки, однако же вовсе не шприц, и не записной блокнот, а вечно что-нибудь невообразимо элегантное: зонтик, например, китайский. И так она способна этим распорядиться, что уже не остаётся сомнений в её колхозно-управленческой незаменимости.

Ошибочным выбором на управленческие функции призван только завхоз Гоша Ворона. Большой молчун, чем пасечник дядя Черета. И большой скромник, чем памятник в постриженных акациях. Но избран на волне народного восторга, периодически вспыхивающего от его своевременных и прицельных выкриков – на самых пассивных собраниях. Правда, трудно вспомнить, что именно выкрикал его гортанный негодующий рык. Не то «неча нас уже пужать», не то «надо больше рожь сажать!»

В углу скромно молчала молоденькая телятница Быкодоева.

– ...Правление обязано осознавать свою меру ответственности перед народом села за преступное промедление, – ровно и бесстрастно продолжает Юрист. – Осознавать меру и брать ответственность на себя. Это понятно? Кто, если не вы? Вчера, например, вы преступно уклонились!.. И позволили неорганизованной массе совершить несанкционированные деяния! В результате собрание сорвано, анархия победила, а наши благие намерения не достигли цели. Кто оплатит издержки? – Он берёт паузу и медленно обводит взглядом каждого правленца, толи оценивая эффект своей речи, толи гипнотизируя. Никто не поднимает глаз и не торопится оправдаться. Русик массирует кисть руки, немеющей от волнения. «Крошка» независимо покачивает соблазнительной ножкой... Гоша Ворона муслит во рту нераскуренную папиросу. Сам упирается взглядом в стол с таким напряжением, точно изучает материалы последнего Пленума ЦК КПСС. Завгар Редников тоже волнуется и сдерживается с трудом. Ему, завгару, не виноватому ни в чём, все кажутся предателями. И каждому у него готов приговор. И он, завгар, готов приводить в исполнение.

– А какие у вас есть предложения? – неожиданно воспользовался паузой правленец Филиков, агроном артели. – Может, пересмотреть севооборот?..

– ... а может, сократить штаты?.. – не удержался Редников.

– ...знамо дело... давно пора! – порывается Гоша Ворона.

– Я позволю себе продолжить, – корректно оборвал Юрист активную часть правления, – мою мысль. Надеюсь, господа не обиделись на меня за некоторые претензии? Александр Тимофеевич?..

– Да-да?.. А!.. нет-нет...

Юрист воспользовался паузой, прошелся вдоль длинного конторского стола и, подняв вверх палец, углубился в собственную мысль.

– Надо делать дело. Разговоры – для социализма. А в нашем бизнесе нет времени для пустопорожней риторики. Вы спрашиваете о моих предложениях. и это – правильный вопрос! У меня есть предложения. Точнее, одно. Единственное. А именно, – тут он остановился в торце стола и снова замолчал. Потом быстро оговорился – Но прежде я хочу спросить у вас всех: готовы ли вы принять решение, от которого резко изменится жизнь вашего хозяйства и вашего села?

– В какую сторону? – снова скоропалительно выкрикнул Филиков.

– В лучшую, разумеется, – недовольно ответил Юрист. И тут же не удержался от реплики – Разве я произвожу впечатление грабителя с большой дороги?

– Дальше некуда, – разминая руку, выдавил из себя Русик. – Надо что-то менять.

– Так мы всегда согласны, – тут же поддержала Русика Крошка.

– Да мы всегда единогласно! – не преминула подтвердить и ветеринарша Бададьникова. – Лишь бы зарплату вовремя давали да премию.

– Что ж, – подвел черту Юрист, – мне нравится ваша готовность взять на себя ответственность за судьбу хозяйства. Итак, моё предложение, – тут он снова смешался и внезапно обратился к Савицкому, не поднимающему голову от бумаг, – Моисей Яковлевич, могу ли я... высказать нашу позицию... открыто?

Савицкий, точно просыпаясь от тяжкого сна, поднял недоумевающие глаза на Юрист, перевёл их на Самоварова. И через мгновение оглядел всех членов правления поочередно. Через этот оценивающий взгляд он хотел, как показалось каждому правленцу, понять всю их муку и вселить в каждого веру и решительность. И Юрист прочел этот взгляд. И не заставил себя более ждать.

– Наше предложение заключается в том, что на юридическом языке называется «подлог». Да-да, подлог. Уголовно и административно наказуемое деяние. Но это не должно вас смущать. Так диктуют обстоятельства. Сейчас вы согласитесь со мной...

В это мгновение дверь распахнулась, и просунувшаяся голова Полины Прорехи пробормотала: «Из района приехали. Вас спрашивают» – и тотчас исчезла.

– Но я же просил не беспокоить полчаса! – гневно возмутился Савицкий, но тут же взял себя в руки. – Сан Тюфеич, я думаю все уже готовы взять на себя ответственность за будущее нашего хозяйства и, следовательно, судьбу государства. И поставить свою подпись под протоколом. А? Не слышу!

Самоваров встал, как глиняный колосс из праха, отряхнул пепел с торса и двинул оживленной головой. С опаской оглянулся на дверь и, преодолевая затяжные паузы, сказал:

– Э-э... товарищи... подписать надо... протокол. Другого пути нет. То есть, выхода... Хозяйство на грани краха. и товарищи предлагают нам руку помощи. Как не верти... крути... надо что-то менять. Я лично могу подписать... всё, что дадут... Это моё убеждение. Надо... решать. – И сел, точно рассыпался комковатой глиной.

– А можно послушать проект постановления? – вежливо попросил агроном Филиков. – Какие будут дивиденды?

– Кстати, мы с нашим юристом подумали и о вас, о вашем личном благополучии в новом, возрождающемся хозяйстве, – снова взял слово Савицкий. – Вы ведь сами не подумали о себе, когда выкупили имущественный пай и, тем самым, в соответствии с уставом, лишили себя членства в сельхозартели. Не дошло? У нас есть вариант, обеспечивающий ваше место в будущем акционерном обществе. Но об этом поговорим в рабочем порядке. А сейчас к делу...

– Можно, я уйду? Мне корову доить надо, – внезапно попросила Крошка. И уже встала со стула и потянулась к двери.

– Можно. – не менее внезапно разрешил Савицкий. – Но прежде, может быть, вы оставите ваш автограф под протоколом? Я понял, все члены правления готовы к принятию ответственного решения? Кто-то должен быть первым.

– Да я поставлю... Пусть уж Александр Тимофеевич... по старшинству... первым. А корова подождёт, не лопнет, – Крошка снова осчастливила стул.

– ...Пусть Тимофеевич... сам, – решил и Русик.

– Просим, – поддержала Русика ветеринарша Бадальникова.

– А я подписывать филькину грамоту не буду! – резко возмутился Редником. – Неизвестно, чем это обернётся.

В кабинет вошел главный бухгалтер Магомадов и, бесцеремонно нарушив процесс заседания, громко прошептал на ухо Самоварову: «Тебя глава района домогается. Говорит, мол, ждать заставляешь. Мол, ещё вместе жить...». И так же бесцеремонно покинул кабинет.

Встал Юрист. Разложил на столе протокол. И ткнул пальцем в бумаги.

– Вот, товарищи... члены правления... Можете ознакомиться. Здесь сказано, что общее собрание... я подчеркиваю, общее собрание членов СХА приняло единственно верное решение о переходе к новой форме хозяйствования – закрытому акционерному обществу. И о том, что мы с Яковом Моисеевичем приняты в члены артели. Будут возражения? Нет.

– Моисеем Яковлевичем, – недовольно поправил Савицкий.

– ... но здесь нет ваших подписей и нет... в них нет необходимости. Протокол подписывают два человека: председатель собрания и секретарь. Понимаете, всем нет нужды подписывать протокол. Не должен его подписать и Александр Тимофеевич, по определению... Председатель артели на этом собрании, как бы это сказать...

– ...не избрали его в председатели! Вот и всё... Что тут странного? Так часто бывало, когда народ решал – кому председательствовать. Разве я не прав? – взорвался филиппикой Редников.

– Так-так... А, следовательно, кто-то должен быть председателем и секретарем. Мужчина и женщина. Я думаю, это господин Рудик и госпожа Трошкина.

– Крошкина... Таисия, – поправила Крошка, – но я не могу по семейным обстоятельствам. Мы с детьми думаем в Провинск перебраться. Там город. Возможностей больше. И для бизнеса...

– И я... – заволновался Русик. – я... я... я... на пенсии. У меня с головой плохо. Подпишу что-нибудь не то.

– Это не аргумент, – веско возразил Юрист. – Более того, если у вас нет справки. А если у вас такая справка есть и составлена по всей форме, это обстоятельство только усиливает вашу кандидатуру. Улавливаете?

– Так ты что меня... значит, за идиота держишь? – вскипел Русик. – Да пошли вы... Меня баба домой не пустит. Крайнего нашли! С головой не дружит...

– Приношу свои извинения за бестактность нашего Юриста. – мягко вмешался Савицкий. – Но, дорогие мои... будущие коллеги, мы же все цивилизованные люди. И действуем по закону. Кто-то должен подписать протокол. И этот «кто-то» – один из вас. И не важно кто. Возможно, история лишь спустя ряд лет узнает своих героев. И возвеличит их имя... на уровне села или даже района. Но уже завтра эти герои должны получить свои бонусы. И это правильно. В капиталистическом обществе, которое мы с вами сейчас строим, важно вовремя получать вознаграждения. И вы их получите, это я могу гарантировать. Но господин заслуженный комбайнер и госпожа колхозный бухгалтер, безусловно, правы, выдвигая свои отводы... Но, не могу же я подписать этот протокол. У меня нет таких полномочий, как у вас!

– А я?... Можно мне подписаться? – неожиданно проговорил Гоша Ворона. Наверное, неожиданно даже для себя самого.

– Немые заговорили, – захихикала до сих пор молчавшая хорошенькая телятника Быкодоева.

– Как, Сан Тюфеевич? Может, господин... простите, вы кто по профессии? – обрадовался инициативе Савицкий.

– Так я... старый пулеметчик! Всю войну прошел... до Варшавы.

– О! А по гражданской линии?

– На садовода учился. А сады ликвидировали.

– Но вы же член правления?

– Избрали... в третьем годе.

– ...И это даёт вам полное право исполнять полномочия избравшего вас народа! Вы подпишетесь за председателя собрания. Так, господа? Доверяем заслуженному пулеметчику занять это место?

– У него с алкоголизмом напряженность! – не удержался Редников. Гоша гневно фыркнул. Все остальные промолчали. И вопрос был решён. Юрист жестом пригласил полномочного представителя подписать краеугольный документ. Гоша встал, сделал шутивно-угрожающий выпад в сторону завгара, подошёл к столу. Ни один мускул не дрогнул в его лице. Ни один жест не выдал эмоции членов правления. Ни одна тень не мелькнула по физиономии Сомоварова. Протокол был буднично подписал Вороной. За окном порыв внезапного ветра сорвал вывеску с конторы. А в коридоре гневающийся глава района громко хлопнул дверью и убрался восвояси.

...Так и осталось тайной, скрепленной синей гербовой печатью, кто подписал подложный протокол за секретаря. И подписан ли он условно-полномочным представителем в его трезвом уме и твердой памяти, не подделан ли ушлым юристом с помощью портативного компьютера. И так ли уж важно было поставить чью-то подлинную, полномочную подпись, если не один высокопоставленный чиновник из района не усмотрел нарушения, не усомнился и даже не подумал усомниться в подлинности и документов, и всего произошедшего подлога. Не забил в колокол юрист района, прокурор, не заволновалась местная пресса... Не вышел на улицу народ, вооруженный вилами.

Жизнь продолжалась, как любил выражаться записной газетный фотограф. (*Продолжение следует*)

Константин Болотников. Заметки односельчанина. ЧАСТЬ 1 АТЫ-БАТЫ...

(из солдатского дневника)

Лето 1944 года подходило к концу. Я работал на телеграфе. В Дербинске заболел Матюшин. Остался там один Полща. Командируют меня на место Матюшина. Шестого ноября, канун праздника. Мне не хотелось идти, как будто я что-то предчувствовал. В этом году мы готовились встретить праздник хорошо. И когда уже слюнки текли, оставалось несколько часов до торжества, надо же было придумать для меня такой сюрприз! Но приказ есть приказ. Собрал свою амуницию, получил на трое суток продовольствия, и в дальний путь...

Расстояние 60 км. До Арково иду пешком 12 км. Уже нависли сумерки. Дорога скользкая. Днём подтаивало, а к вечеру подмёрзло – не доходя трех километров до Арково. поскользнулся. Правая нога подвернулась под меня, и я всей тяжестью груза рухнул на старый перелом ноги. «Ой! Ушиб ногу», – думаю себе. Сильной боли не чувствую. Полежу, пройдет. Стал подниматься, только ступил на эту ногу, опять упал. Нога отказалась служить. Вывих или перелом. Одно из двух. Вот, думаю, и вся моя командировка. Что делать? Проехали на лошади в сторону Арково. Не взяли. Лежу. Идёт машина в город. Голосую лёжа. Затормозила. Объясняю и прошу доставить прямо в госпиталь. Взяли. Довезли до города, ссадили. Откуда-то взялась подвода, увезли в госпиталь. Амуницию и продукты – в казарму, а меня – к хирургу. Осмотр, ванна, гипс на ногу и – в палату. Лежу и думаю, вот она солдатская жизнь!

Установили перелом лодыжек. Боль не унимается, наоборот, усиливается. Ступня опухла, бинт врезался в тело, мочи нет, хоть реви. Пытался ослабить, не выходит. Вызываю дежурную, чтобы разрезали бинт у пальцев. Нет, нельзя! Только утром, при обходе, хирург Белоусова разрежала бинт. Стало легче.

Через десяток дней боль унялась, и я почувствовал себя как в раю. Ни подъема, ни зарядки, ни занятий. Тепло, уютно, радио, шахматы, книги. Питание хорошее. Рай – не жизнь!

Прошло 45 дней. Сняли гипс и на другой день выписали. Одежда, вышел на улицу: снег, холод – опять в казарму. Всё, настроение пропало. Дали на месяц освобождение. Лежу на нарах, ничего не делаю. Прошла неделя – надоело. Тянет на телеграф. Выпросился. Стал ходить на работу. Нога ещё неустойчива, за строем не успеваю, хожу один. Подходит новый 1945 год.

Переноса бесконечные лишения, тяготы службы, я не видел перед собой никаких перспектив. Когда придет конец всему этому? Сколько лет ещё – никто не мог предугадать. Верно, положение на фронтах Отечественной войны показывало на скорое окончание войны, но для меня это ещё не конец...

9 мая 1945 года. С утра у нас начались обычные занятия. Так как наше время на семь часов опережает московское, весть об окончании войны дошла часов в десять утра. Сколько было радости! Занятия прекратили. Объявили праздник. Разговоров было... Начальство, конечно, гуляло, а наш брат, солдат, провалялся на нарах сутки, выспался досыта и – конец праздника. Меня даже в наряд назначили в этот вечер. Иллюминации не видал. Ликования кончились. Потекла обычная жизнь. Хуже того, начали поговаривать о Японии. Конечно, никто ничего не знал, но командование усилило пропаганду: «Не терять бдительность и быть готовым ко всяким неожиданностям», прямо сказать – ждать нападения Японии. О том, что Советский Союз объявит войну Японии, никто слова не говорил, или никто не знал, или это была тайна. От слов стали переходить к делу. Неожиданно для нас, солдат, весь гарнизон стали перебрасывать ближе к японской границе. Сначала бригаду, потом и наши отдельные роты. Наш бата-

льон связи находился в Дербинске. Пришла очередь и нам переселиться к нему в соседство. Поднялась суматоха. По тревоге собрали все имущество и на машинах ночью – в Дербинск.

Июнь, июль месяцы мы обитали в Дербинске. Занимались посадкой картошки, ремонтом квартир, военными занятиями и работой в штабе. Через некоторое время я опять попал на телеграф.

Жили в палатках на улице.

Между тем обстановка становилась все тревожнее и тревожнее. Настойчиво стали внушать нам, что война с Японией неизбежна. Кроме разговоров приближение грозы чувствовалось и по той массе «особо важных» телеграмм, которые непрерывным потоком шли из штаба армии (из Хабаровска и Николаевска), и непрерывным движениям войск к границе, по частым учебным манёврам, которые производились в Онорах под названием «учения». Многих наших связистов уже перебросили туда. В штабе оставалось всё меньше и меньше людей, следовательно, нагрузка на каждого телеграфиста росла. Давно уже перешли на две смены. Работали по 12 часов в сутки. Бесконечный поток шифровок утомлял до изнеможения. К концу смены рука окончательно выходила из строя, и пачки переданных телеграмм, переходивших из смены в смену, прибывали нарастающим итогом. Дважды выручали нас из этой беды. Все скопившиеся пачки относили на радио, и там их быстро направляли адресату. Все чаще и чаще стали делать «тревоги». Но это были учебные тревоги. Мы уже привыкли к ним. Соскочив в час-два ночи, за пять минут облачившись в серую свою скорлупу, вроде ранца, подсумки, противогаза, винтовок, и стоишь как истукан час, два. Часто в эти «тревоги» трясли наши ранцы, проверяли, всё ли имущество цело у каждого бойца, и беспощадно ругали, если что было потеряно, выбрасывали или забирали из ранцев все, что не связано с военной жизнью, все гражданское.

Заканчивалась тревога арестами (гауптвахтой) двух-трех «провинившихся» солдат.

8 августа по-особому прозвучала тревога. Ранцы осматривать не стали, а собрали палатки, т.е. ликвидировали свои «дома», гнёзда. Собрали матрацы, одеяла, выгнали под открытое небо, час, два, пять – вот и ночь, а отбоя нет. Ночевали под кустиками, на одежде, спасаясь от холода и дождя в шинели и плащ-палатке. Утром, только успели проснуться, услышали новость, к которой готовились все годы службы, – началась война с Японией.

Наши войска на Сахалине перешли границу у Хандасы и сражаются с японскими солдатами. В этот и в следующий день весь дербинский гарнизон опустел. Рвались туда, в огонь. Нам надоело всё тыловое до мозга костей. Война – это наш полезный труд, за который нас, солдат, хлебом кормят. Война – это близкий конец одного из двух: победы или смерти. Середины нет...

До Онор доехали на машине. Дальше пошли пешком. Прошли километров тридцать. Масса солдат здесь боролась с болотом: строили дорогу. Перейдя границу, стали ощущать запах пороха: развороченные дома, блиндажи, убитые люди и животные, запах гари. Рассказы о первых военных эпизодах, о японских «кукушках», о смертниках и т. д. Всё это угнетающе действовало на необстрелянное сердце солдата. Мурашки ползли по спине. В так называемой «Японской Хандасе» жили в палатках, в лесу. Кругом траншеи, блиндажи – оборона. Недалеко в лесу стояли дальнобойные орудия, о которых мы узнали после того, как они первый раз часов в двенадцать ночи открыли огонь. Мигом сон пропал. Земля дрожит, как от озноба, в воздухе долго висит вой летящего снаряда, затихая при удалении, и через несколько секунд – взрыв снаряда. После чего наступает пугающая тишина. Тишина на войне страшнее грохота орудий и взрывов бомб. Каждый шорох в лесу скребёт за сердце, вдруг сейчас из-за куста выскочит японец... А вот однажды собрались мы на обед. Вдруг кто-то закричал, что недалеко «кукушка» стреляет. Командир батальона даёт приказ: «Прочесать лес». Мы все в лес. Отбежал и я метров на сто, и все разбежались. Оглянулся я – вокруг никого. Кругом один. Жутко стало. Вдруг меня увидит японец, а я его нет и – напорюсь...

С неделю мы здесь стояли, дивизия дралась на передовой, разворачивая доты, уничтожая японцев. Борьба шла жестокая. Раненые отправлялись в тыл, и здесь все помещения были забиты ими. Наша очередь была не за горами.

Телеграфная связь здесь почти не употреблялась, а потому большинство телеграфистов были вроде резерва. И поэтому мы ждали приказа идти на передовую. Такого приказа не последовало, но пришла весть о капитуляции Японии. Японцы прислали парламентаров. Парламентары были, якобы, из младшего командного состава. Наше командование их не приняло. Больше никто не пришёл, а поэтому был дан приказ: продолжить наступление. Загремели пушки, застреляли пулеметы – опять началась бойня.

Японцы пристреляли дорогу и не дают проскочить. Стали бить туда из орудий. Наконец замолчали японские минометы. Опять двинулась вперёд.

Пришли в первую японскую деревню. Меня поразило обилие шёлка в каждом доме. Но я ничего не брал. Лишний груз, впереди – неизвестность и дальняя дорога. И без того спина болит и от ранца, и от винтовки. Но соблазн был большой. В каждом селе мы использовали японские шёлковые одеяла и матрацы для ночлега. Утром посмотришь, даже на улице, в грязи, валяются эти матрацы.

Теперь мы шли из деревни в деревню без длительных остановок. Гражданских японцев ни души ни в одной деревне не встречали, в поэтому смело заходили в каждую фанзу. Но случались переходы и жуткие. Жутко было проходить селения, где поработала артиллерия, авиация наша. Разрушения, пожары, трупы японских солдат. Встречались трупы и наших солдат, неубранные. И нам приходилось хоронить прямо в пути, у дороги. Однажды под вечер мы пришли в большой населённый пункт. Там были склады с продовольствием японской армии. Обшарили. Доброго ничего не нашли, но набрали консервов, какого-то вина. Откуда-то пришла весть, что где-то здесь действуют японцы. Мы обшарили окрестность, никого не нашли. Но в селе ночевать побоялись. Отошли километра два. Но сон не шёл. Чувствовал, что должна быть тревога. Часов в 12 ночи поднялась стрельба. Все соскочили без команды. Я думал, по нам стреляют японцы. Выскочил на улицу, залёг за углом, навел винтовку неизвестно куда и лежу. Друзья стреляют куда попало. Но нигде никого нет. Мало-помалу затихло. Видно, надоело зря стрелять. Утром нашли убитого японца. Наверно, нечаянно наткнулся на нас и его подстрелили, хотя он и не собирался на нас нападать. А может быть, он и не один был. Никто ничего не знает. Но для нас важно одно, что мы «пробиваемся с боями». Дней через пять мы догнали своей батальон в г. Найро. Там кроме нас было много и других частей. Здесь остановились. Этот город был военным городком японцев с аэродромом и ангарами для самолётов, хотя японских самолётов мы не видели здесь за всю войну. Здесь впервые мы встретили мирных японских граждан, которые от мала до велика, встречая, приветствовали нас, прикладывая руку к козырьку, даже будучи без какого-либо головного убора, рты изображали подхалимную улыбку. Все мужчины и женщины в штанах, в цветных шелковых халатах. Здесь мы уже не заходили в дома. Хотя были исключения для некоторых смельчаков, которые, нарушая приказания командования, заходили в дома к японцам, грабили их или обманом забирали ценные вещи, вино, спирт. Некоторые за это поплатились жизнью, получив из-за угла нож в спину, вино с ядом или наказание от нашего командования.

Через два дня мы пошли дальше. «Приключений» в пути не было, а без приключений как-то скучно стало. Тогда наши солдаты давай поливать из винтовок без всякого повода. Перепугали командиром и нам «прочитали мораль». Пришли в г. Сериторн. Завели в сад. И никуда не выпускают под страхом нападения бандитских групп японцев. Дело к ночи. Ночлега во всем городе не нашли. Расположились под открытым небом. Натащили соломы и расположились. Наутро собрались двигаться дальше. Всем хотелось добраться до Тойохара. Это центр южного Сахалина. Погрузились в поезд, поехали. Проехали один пролет, дальше путь нарушен. Вернулись в Сериторн. Часа три-четыре стояли. Потом тронулись. Глядим, наш поезд везёт нас

в обратную сторону от желаемой цели. Эх, не повезло. Не побывали в Тойохара. Тогда как некоторые наши товарищи уже давно там. Ну что ж, видимо, командованию с высоты лучше видно. Опять в Найро. Заняли японские казармы с расчётом на длительный период, может быть, даже на зимовку. Помещения ладные, жить, кажется, можно было бы. Но только как-то неуютно, беспокойно. Вечером по одному не выпускают в город, без винтовки тоже выйти нельзя. Нет, на своей земле куда лучше. Лучше бы домой. Но о доме пока не говорят. Начали распределять нас по участкам: на линии обслуживать телеграфную связь. Я приболел что-то, и меня пока никуда не определили. Вот уже собрались наши ребята, чтобы разъехаться кто куда, но тут вдруг приказ: ехать назад в Александровск. Давно бы так! Мы только этого и ждали. Погрузились на машины и – в путь-дорогу. Кто бы знал, как мы ехали до Онор! Дорогу измесили. Одна грязь. Везли нас «студебекеры» трёхосные. И то целые сутки пытели в грязи. И куда только девалась та японская шоссейка, по которой мы шли сюда. Наши войска ликвидировали её вместе с японской армией. Ну вот, наконец мы снова в Онорах. Встречаем день победы над Японией. 3 сентября 1945 года. Солдаты стреляют из своих ружей, винтовок, автоматов. Взвиваются разноцветные ракеты, украшая вечернее небо разноцветными огнями. В клубе кино, танцы. Весело на душе.

Первый раз в море

Мы вышли из Николаевска вниз по Амуру на катере «Стрелка». Время было 12 часов дня. Был ясный и тихий день, и плавание доставляло одно удовольствие. Все пассажиры были на палубе. Кто играл в карты, кто рассказывал какие-нибудь приключения, и вообще – все были в хорошем настроении. Пассажиров человек 50. В числе пассажиров был и я, и две знакомые мне девушки. Мы ехали на Сахалин по командировке из техникума – на работу. Мы сидели втроем на трюмной крышке и, любуясь Амуром, обсуждали свои планы на будущее. День подходил к концу, подул свежий ветерок, и катер стал покачиваться на волнах. Нужно было заранее выбрать место, где провести ночь. На палубе немислимо было находиться ночью. Один по одному пассажиры стали спускаться в кубрик. Команда катера не возражала против гостей и по возможности потеснилась, предоставляя места пассажирам. Но кубрик был мал, чтобы вместить команду и 50 человек пассажиров. И половина людей, кто как мог, разместились на полу. Кто лежал, кто сидел, а некоторым пришлось даже стоять, так как места больше не было. Стало темно, ветер подул сильнее. К этому времени катер вышел в Татарский пролив, и его стало легко подбрасывать на волнах. Плохо тому, кто первый раз в море, кто ещё не испытывал морской качки. Качка у многих людей вызывает «морскую болезнь». Ничего не болит, но в голове всё идет кругом, становится дурно, лихо, начинает тянуть к рвоте. Закроешь глаза, только чувствуешь, как тебя какая-то невидимая сила бросает вверх, вниз, из стороны в сторону. Вот поднимаешься, поднимаешься куда-то вверх, вдруг обрываешься, как в яму, кажется, сердце оторвалось, замерло. и ты летишь в бездну, у которой нет дна. То поставит на ноги, то опрокинет вниз головой, а то швырнет в сторону так, что сорвешься со своего места и ткнёшься лбом или в стенку, или в товарища, тот только прорычит что-то угрожающее и замолчит, так как сам тоже кого-нибудь ткнул в бок в это время. Закрывши глаза, лежать, кажется, легче. Вот как откроешь глаза, глядишь на стены, на потолок, на людей – все шевелится, качается, куда-то плывет. Глаза мутнеют, и рвота подкатывает к горлу. Выбегаешь на палубу, чтобы освежиться. Там тебя сразу встретит резкий пронизывающий ветер и тысячи брызг. Рвёт, бросает, едва держишься за перила, то и гляди, что улетишь в море. Минуту, две постоишь и обратно в кубрик, в эту страшную чёртову качель. Стало душно, отчего еще усиливалась рвота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.